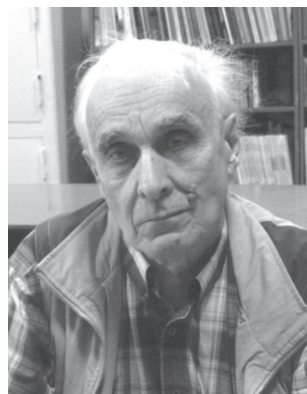

Игры с вечностью

Вадим МИХАНОВСКИЙ

ХОТЬ НА КРАЙ ЗЕМЛИ, ХОТЬ ЗА КРАЙ

К прочтению исторических публикаций можно относиться по-разному. Например, один из первых российских историков-архивистов Миллер упорно называл походы Ермака в Сибирь колониальными. На этой почве, как известно, с ним даже подрался академик Ломоносов, чуть было не угодивший за это в тюрьму... В том-то и дело, что оба они имели на освоение Россией путей на Восток и в Среднюю Азию диаметральные точки зрения.

Это мы сейчас знаем, что проникновение русских людей в Сибирь началось задолго до Ермака. Из Устюжья, Новгорода, Пскова и некоторых других мест, где была развита торговля, особенно с ганзейскими городами, шли в Сибирь оборотистые людишки промышлять мягкую рухлядь. Особенно дорого ценился в Европе мех соболя. Известно, что монгольское нашествие лишь приостановило хождение русичей «хоть на край земли, хоть за край».

Строчка эта из цыганской песни Редьярда Киплинга могла бы украсить как эпиграф многие сибирские этюды. Но на этот раз, думается, место ей в заголовке повести... Сам бродяга, любитель экстремальных ситуаций, автор «Маугли» некогда измерил своими ногами тяжёлые вёрсты индийских предгорий и пустынь Чёрного континента... Словом, оставим всё как есть – и заголовок рассказа, и это, почти осязаемое читателем месиво из песка и глины, льда и парной болотной жижи под сапогами наших сородичей, шагнувших однажды в неизвестное.

ДОРДЖЕ-УРУС

Другие по живому следу пройдут
Твой путь за пядью пядь

(Борис Пастернак)

Своему новому приятелю в Петербург он писал: «Барон, Вы можете представить себе орду пеших и конных, с дикими криками устремившихся на маленький отряд из десяти человек, хотя двух человек из них я не беру в счёт, это проводники, которые трусливо прячутся за верблюжьи вьюки с нашим оборудованием. Остальные подпускают нападающих поближе и дают залп из карабинов. Ещё несколько раз повторяем его. Один из сопровождающих меня казаков тут же передаёт мне и ружьё, заряженное картечью. Залп из двух стволов вместе с другими выстрелами сеет среди этой толпы панику. С криками «Ламоза» вся эта, изрядно поредевшая орда, устремляется прочь. «Ламоза» по-китайски – мохнатая шапка. Так здесь называют наших казаков с их лохматыми папахами...»

Николай Михайлович Пржевальский познакомился с бароном Александром Бильдерингом в Петербурге. Будущему знаменитому путешественнику шёл двадцать восьмой год. Он к этому времени успел окончить академию Генерального штаба и выхлопотал себе направление в Приамурье.

Обычно выпускники академии старались устроиться поближе к двум столицам, на худой конец – где-нибудь в Прибалтике. Барон был на несколько лет моложе Пржевальского. Он не спешил покидать северную столицу и, преуспев в скором времени в Генеральном штабе, стал курировать разведывательную службу на пограничных территориях.

Известно, что почти все путешественники России были в то время военными людьми и одновременно с заданиями императорского географического общества осуществляли разведку на территориях

сопредельных государств. На этой почве они и познакомилась – барон Бильдеринг и новоиспечённый капитан Генерального штаба Пржевальский...

Между прочим, первую экспедицию в Китай Пржевальский снарядил в основном за свой счёт. Нет, лишние деньги у него никогда не водились. Но он, обладая прекрасной памятью, частенько преуспевал в карточных играх. Вот и на этот раз он стал обладателем приличной суммы в 12 тысяч рублей, которые полностью потратил на экспедицию. Снарядив её и выйдя к Амуру, он тут же выбросил колоду карт в воду: «С этим делом покончено навсегда!», – сказал он своим спутникам. И верно, к игральным картам он больше никогда не прикасался...

Родился Николай Михайлович Пржевальский в 1839 году на Смоленщине. Семья больших достатков не имела, тем более, что в восьмилетнем возрасте бойкий подросток лишился отца. Жил он с матерью, Еленой Алексеевной, да ещё с дядькой, её братом, который был «первым моим учителем», – писал Пржевальский в своих мемуарах. Он вспоминал, как с приятелем, дворовым мальчиком Васькой, рыбачили они в окрестных озёрах и охотились с самодельным луком и с духовым ружьём в лесных смоленских чащах. За предоставленную чрезмерную свободу приходилось иногда платить. Розги были не столь уж редким орудием возмездия в этой семье. Доставалось заодно и Ваське... А в девятилетнем возрасте Николай поступил во второй класс смоленской гимназии и быстро завоевал репутацию одного из первых учеников не только по успеваемости, но и по озорству.

Ум, прекрасная память, честность и справедливость стали краеугольными скрепами того квадрата, в котором Николай жил и развивался, готовя себя к будущим путешествиям, как он говорил – «к экспедициям в непознанное»... В 1855 году Пржевальский с отличием окончил гимназию...

С привязкой к этой дате вспомним заодно общую обстановку в стране. В связи с тяжёлым поражением России в Крымской войне, на её восточных и юго-восточных рубежах участились набеги соседей. Разбойные банды, снабжённые английским оружием, уводили скот, забирали в плен здоровых мужчин и женщин, которых потом выставляли в продажу на восточных базарах.

Оренбургское казачество, особенно встревоженное этими обстоятельствами, обратилось напрямую к царю Александру II-му. Он, помедлив, дал отмашку. Так начались азиатские походы российских пол-

ков в земли, называвшиеся в то время одним общим словом – Туркестан.

Это озаботило тут же Англию, считавшую бывшие подконтрольные территории своей восточной вотчиной... Таким образом, дальнейшее проникновение России в Среднюю Азию положит начало той разделительной линии между ними, которую надолго, вплоть до наших дней, станет многострадальный Афганистан.

Надо отметить, Россия сравнительно легко сумела расположить к себе азиатские племена. Она не загоняла их в резервации, как это делала Америка с индейцами. Российские генералы Кауфман и Скобелев в хивинских и кокандских походах старались привлечь население многочисленных ханств на свою сторону. Двери российских учреждений на местах, как и армии, были для них всегда открыты.

По большому счёту, прошлое здесь никуда не уходило, оно просто двигалось со стрелой времени в будущее. Не так уж случайно английский премьер Керзон удивлялся, как это, мол, так быстро и легко «русские добиваются верности и дружбы тех, кого они подчинили силой?»...

А в столичных газетах и некоторых заграничных журналах красочно рассказывалось об этих среднеазиатских походах, о доблести и героизме русских солдат... Всю эту периодику внимательно читал и Николай Пржевальский, втайне давно решивший стать первопроходцем на неизведанных азиатских землях. Мечтали об этом и другие молодые люди одного с ним возраста, особенно из армейской среды, готовившие себя к походным лишениям. О них, будущих сподвижниках и последователях Пржевальского, разговор впереди.

А пока чуть углубимся в историю. Почти двумя столетиями ранее, в 1720 году, по приказу Петра майор пограничной стражи Лихарев заложил у впадения реки Ульбы в Иртыш Усть-Каменогорскую крепость. Через некоторое время в этом районе рудного Алтая появятся русские промышленники Демидовы... Но всему свой срок! Недалеко от крепости царёв посланец Иван Лихарев случайно обнаружил заброшенный комплекс буддийского монастыря. Мощные глинобитные со щёбнем стены этой древней обители несколько веков назад почему-то были покинуты в одночасье. Что это случилось внезапно, говорили и сами стены, нигде не разрушенные, и брошенный влопыхах скарб их обитателей. Само святилище храма заполняли статуи идолов. А в огромном шкафу с выдвинутыми ящиками, под слоем нанесённого песка, лежали многочисленные свитки рукописей, тиснённые золотыми и серебряными буквами.

Несколько таких рукописей привезли

показать царю. Пётр решил передать их в Парижскую академию наук: может быть, там сумеют разобраться в незнакомом алфавите. Но и для французских учёных оказалось, что это им разгрызть не по зубам. Тем не менее, чтобы не упасть в грязь лицом, они всё же умудрились составить “перевод” текста. Этот подлог вскоре обнаружил московский архивист Миллер. Он тут же собрался и в 1734 году отбыл в Усть-Каменогорск. Четырнадцать лет спустя многое в уникальном храме было попросту давно разграблено, разнесено по сувенирам.

Герхард Миллер подробно описал помещения храма и удивительные рисунки на стенах с изображением многоголовых и многоруких фигур и обнажённых женщин. Часть рукописей, деревянные таблицы с вырезанными буквами и загадочные фрески на досках Миллер увёз в Москву для дальнейшего изучения... Через некоторое время он пришёл к выводу, что тексты рукописей написаны на тангутском языке. Но что это за народ – тангуты?

Во времена Пржевальского, полтора столетия спустя, о тангутах всё ещё знали не больше, чем в Петровы годы. Письмена их так и не удалось расшифровать. А французское «прочтение» отдельных рукописей только усугубляло научный подход к изучению тангутского языка.

Забегая вперёд, скажем, что это удалось сделать одному из учеников и сподвижников Пржевальского. Но о нём позже.

Другой участник его походов, Всеволод Роборовский, был на шестнадцать лет моложе своего патрона. Он пытался, словно книжный червь, рыться в библиотеках Европы, списывался с книжными фондами отдельных библиотек. Китай был ближе всего. Но с соседом оказалось это делать труднее: некоторые синтоистские рукописи были просто засекречены. А в Европе, кроме одного документа на старом португальском языке, в котором сообщалось о некоем государстве, находящемся между Индией и Китаем, больше ничего не было сказано.

К слову, известный сибиревед, учёный и путешественник Григорий Николаевич Потанин, одновременец Пржевальского и Роборовского, тоже искал подходы к изучению этого удивительного народа. Он чуть ли не первым из русских путешественников прознал о заброшенном городище в монгольских степях. Но проводники экспедиций дважды обманули его, уводя в сторону на сто с лишним километров от предполагаемой цели.

Тот же, но позднее, нехитрый этот приём был проделан и с польским выпускником Сорбонны, журналистом и путешественником Антонием Оссендовским. Не

Николай Михайлович Пржевальски

без помощи англичан, ему удалось получить от китайских властей пропуск-вездеход для проникновения в монастыри Тибета. Но и это ему не помогло. Проводник, прикреплённый к нему одним из местных князьков, увёл Оссендовского в сторону от мёртвого города... А через год после этого Оссендовский издал книгу, в которой всплыла истинная цель его путешествий в этих отдалённых местах. Он, всего-навсего, искал здесь где-то закопанный клад Чингисхана. Конечной точкой его поисков значилась сопка Цаган-Тологой (Белая шапка), поблизости от озера Буир-Нур. Походя отметим, что сокровища грозного завоевателя бедовые представители Востока и Запада ищут до сих пор. Но цели у этих гробокопателей далеко не научные. Отсюда и общая убогость их, так называемых, изысканий.

Что ж, географические открытия, удачные и не очень раскопки древностей, подкреплённые наукой, а теперь ещё и изощрённой техникой, – это только одна сторона медали, так называемый аверс. А что же там, на реверсе, теневом обороте? Музею истории Клио это вряд ли интересно. Она не смотрит в какую-то одну сторону, она шагает своим путём, недоступная ни восторгам, ни проклятьям.

В одной из своих книг, приводя эту мысль о равнодушии музы истории к успехам или неудачам того или иного путешественника, старающегося открыть что-то новое для себя и для человечества, Пржевальский писал: «Годы труда, боль утрат, пот и немощь от скорых болезней, вспыхивающих не сразу, потом, в скором будущем – вот наш удел!»...

Он собирался в третью свою экспеди-

цию. Накануне, в 1876 году, Пржевальский вернулся из своего второго путешествия, пройдя из Кульджи (теперь это центр автономного района в Китае), к реке Или, через Тянь-Шань и реку Тарим к озеру Лоб-Нор. Здесь он провёл весной орнитологические исследования, по пути открыв хребет Алтын Таг, который и на китайских картах не был обозначен. Недалеко от этих мест он встретился с дикой породой лошади, которую в науке теперь относят, как к лошади Пржевальского.

К тому времени Николай Михайлович, изучив литературу о своих предшественниках, включая некоторые подробности из опытов миссионера Ливингстона и искателя приключений Стенли, проводивших много лет в Африке, написал подробную брошюру о том, как надо готовиться к путешествиям.

Труд этот и сейчас не потерял своего значения. В самом деле, что необходимо брать с собой, как подбирать спутников для своих путешествий – вопрос далеко не праздный.

Отметим, что Пржевальский отбирал в свои экспедиции людей в основном из казачьих и воинских подразделений. И, надо сказать, толково подбирал! Не так уж и случайно эти его спутники, рядовые члены экспедиций, отзывались о своём начальнике, именуя его ласково – Пшева. А ведь на их долю выпадало всё, вплоть до защиты своих жизней в дикой местности и от зверей, и от людей, нападавших на них с целью наживы. И Пшева никогда их не подводил, находясь в самой гуще событий. Он мог стрелять одновременно с двух рук, упирая карабины в свои крепкие плечи.

К этому он готовил себя с юношеских лет, занимаясь спортивной стрельбой и охотой. Пржевальский со временем стал обладателем уникального штучного русского и иностранного оружия. И оно не висело у него для украшения на стене. Он брал его с собою в экспедиции. После его второго путешествия многочисленные племена Тибета прозвали его Дордже-Урус. В широком смысле на тибетском языке это означает молнию, мощь и твёрдость алмаза, непобедимость.

Такое уважительное прозвище, почти святое, надо было заслужить! Про его дальнобойную винтовку в азиатских горах ходили легенды: «Пуля Дордже-Уруса, выпущенная утром, летит весь день, но к вечеру всё равно достигнет тебя. А сам Дордже-Урус остаётся как всегда невредимым»...

Тем временем, дух экспедиций Пржевальского мало-помалу стал распространяться и на все изыскательские отряды, действующие в тех краях. Солдаты,

которых он отбирал для своих целей в строевых частях, возвращаясь назад, рассказывали об отваге и честности своего начальника. Теперь уже их непосредственным командирам приходилось иметь дело с проявленной храбростью своих подчинённых, их новыми наградами вплоть до Георгиевских медалей, с их походной дисциплиной, какую они переняли от Пшевы... И командиры, из тех, кому армия была не в обузу, понимали, что объединить и сплотить этих солдат можно только, подчинив их поступки высшей цели. Они, эти командиры, с радостью отпускали солдат под крыло Пржевальского...

Между тем, сам огранщик характеров, каким действительно был Пржевальский, особой покладистостью не отличался. В походах он мог при случае и за плётку взяться. Как военный человек, он признавал только единоначалие, но был в то же самое время скромнен. Это, конечно, не та скромность, о которой в Писании сказано, что она украшает дев и юношей. Это была скромность при высокой серьёзности дела, возведённого в принцип. Приведём всего лишь одно из высказываний штабного офицера о Николае Пржевальском:

«...Характер, не лишённый честолюбия, повелительный, препятствующий ему слишком тесно сблизиться с людьми. При всём при этом – отличный товарищ, радушный хозяин, заботливый патрон и надёжный вождь...». Как говорится, всё к месту. Лучше не скажешь!

Таким он и остался до конца своей недолгой жизни... Но всё же хочется присовокупить к этим словам и характеристику его приятеля, барона Бильдеринга:

«Сам он – натура стойкая, неподатливая, упорная с молодых ногтей, женоненавистник, грубоват. Воспитание – «спартанское»...»

Думается, что уже по этим двум высказываниям можно составить всеобъемлющий портрет Николая Михайловича Пржевальского. Тем более, что он будет дописываться.

Урга, Кяхта, Урунгу, Са-Чжеу, Тарим, Лоб-Нор... Все эти названия звучат как выстрел, по-военному краткие, – он о них сообщал в своих донесениях в Генеральный штаб. Они волей-неволей выдают один из замыслов этих походов – то, чем Пржевальскому приходилось заниматься помимо научных целей. Разведывая наилучшие проходы и подходы к коммуникациям сопредельных государств, в то же самое время необходимо было обозначить и своё присутствие в этих странах, создать подробные карты вплоть до погодных и опубликовать их. Принцип был всё тот же: «Я там был, чай солёный пил

и оставил здесь свои метки»... Это было нужно России!

Уже первые три экспедиции Пржевальского сами по себе, как говорится, были самодостаточны и с научной, и с военной точек зрения. И его нельзя было остановить! Закончив одну, он тут же начинал готовиться к следующей. В этом вопросе ему всегда способствовали геологическая и географическая секции Общества и картографический отдел Генерального штаба России.

В любых условиях, ежедневно, Пржевальский вёл личный дневник, который позже ляжет в основу его книг. Он обладал ярким писательским даром. Им был составлен даже интересный и доступный учебник географии, который издали в Пекине на русском и китайском языках.

В одну из последних экспедиций он взял своего воспитанника и ученика Петра Козлова. Наставлял его он уже около восьми лет. Сам учил, потом следил за его учёбой, слал тому деньги и подробные письма, что и как делать в сложившихся обстоятельствах. Они встретились случайно в имени Пржевальского и с тех пор уже не расставались... Будущий генерал русской, а потом и советской армий Пётр Кузьмич Козлов славно послужил Отечеству!

...А пока вот его первая экспедиция под руководством мэтра в Тибетское нагорье. Изучив по настоянию своего воспитателя вошедшую тогда в моду фотографию, Козлов сделает в дальнейшем сотни блестящих снимков и людей, и природы Центральной Азии. Сейчас он готовится к фотографированию озера Кукунор и верховьев рек Хуанхэ и Янцзы. В его рабочую папку вскоре лягут документальные снимки ряда неизведанных до этого хребтов в Наньшане, Куньлуне и нагорий Бокалынтаг и Тангл ... Где-то здесь, в этой обширной округе притаилось и заброшенное городище тангутов... Где?..

Козлов проведёт с Пржевальским две экспедиции. В последней, четвёртой, Пшева почувствует себя плохо и в окружении своих учеников и последователей скончается на берегу озера Иссык-Куль. Умрёт великий путешественник и умелый разведчик от болезни, мало изведанной на ту пору – лимфогранулематоза, а попросту – рака лимфатических желёз и кровеносных органов... Тогда это посчитали брюшным тифом: не той, мол, водички из болотца попил...

Обилие цифр и дат в биографии любого человека всегда несколько раздражает. Вот и в описании километров, пройденных в любом походе, можно найти разночтение. Но мы оставим средне-

статистический вариант: Николай Михайлович Пржевальский прошёл и проехал на лошадях и верблюдах в экспедициях более 31 тысячи километров. Немного во круг земного шарика не дотянул!

При этом нанёс на карты, которыми мы до сих пор пользуемся, горы и хребты, озёра и реки до него неизведанные. Практически в одном лице он был ботаником, зоологом и географом. Всё это представлено в его трудах. Умирая, он сделал в своём дневнике следующую запись:

В Центральной Азии у меня много оставлено потомков – не в прямом, конечно смысле, а в переносном: Лобнор, Кукунор, Тибет и прочее – вот мои детища...»

О перечне его наград, заслуг, почётных званий проще всего узнать, заглянув в интернет. А вот о проекте памятника на Иссык-Куле, а потом и в Петербурге стоит напомнить: рисунок и сам проект принадлежат доброму приятелю Пржевальского барону Александру Бильдерингу.

В заключение хочется сказать, что этот великий путешественник-первопроходец интересен нам не столько своими экспедициями, сколько самим процессом проявления своей жизненной энергии. В нём зримо выпячивается эта энергия самостроительства, обязательной целенаправленной организованности и постоянного возделывания своего внутреннего пространства. Жизнь этого человека – непрерывное самосовершенствование в отличие от столь обычной механической эксплуатации того, что уже накоплено и дало свои плоды. Казалось бы, к чему совершенствовать себя далее? Такое с людьми часто случается. У Пржевальского эти “тормоза” не работают. Делание самого себя даже “через не могу”, сотворение своего “Я” – процесс этот у него как у вечного двигателя постоянен.

А ведь начиналось всё это с юношеских лет, с первого осмысленного свидания с русской природой, с дикой живностью смоленских лесов, с охотой и рыбалкой. Сотворение себя, Пржевальского, и сотворение человека своей эпохи, “шагнувшего через край”, сливается здесь воедино. Можно сказать и так, что наиглавнейшим строителем Пржевальского был он сам и его сравнительно короткая жизнь, создавшая буквально э т а л о н русского путешественника и первооткрывателя неизведанного.

Сегодня его опыт, организация пространства вокруг себя в экстремальных условиях, его самоотдача отчизне особенно важны ещё и потому, что многие наши современные путешественники, ударившиеся, прежде всего, в рекорды, стали как бы “производством самоценных продуктов”. Игра в преодоление становится

игрой с самой жизнью. Достоинство многих современных искателей “нового необычного” здесь стало отождествляться с суммарной ценностью их рекордов, которые должны быть обязательно отмечены в небезызвестной книге рекордов Гиннеса.

СЕМЕРО СМЕЛЫХ

“А ещё мир прекрасен потому,
Что можно путешествовать”...
(Н. М. Пржевальский. Дневник)

...Прошло девятнадцать лет после смерти Пржевальского. За это время был проложен железный путь к Тихому Океану. А в Гималаях и в Тибете по-прежнему всё ещё бегали дикие лошади и верблюды, открытые «Великим путешественником мира». Так его назвала в своей энциклопедии британская наука... И бродил где-то здесь гималайский медведь, описанный впервые Пржевальским.

А один из его любимых учеников готовился к очередному путешествию. В декабре 1907 года через отроги монгольского Алтая, по пустыне Алашань поведёт свой караван полковник русской армии Пётр Козлов. Он уже по праву считался основным продолжателем дел Пржевальского. Был он на 24 года моложе своего мэтра, но всегда держал в памяти и в сердце образ своего великого учителя.

В этот раз проводником у него был знакомый ещё по экспедициям Пржевальского казак из бурятов Цокто Бадмажапов. Накануне, перед походом, он известил Козлова в письме, что между долинами Гойцо и Эйцин-гол, недалеко от предполагаемого маршрута экспедиции лежат развалины мёртвого города, именуемого местным населением как Хара-Байшен...

– Неужели это Хара-Хото, столица тангутов? – поделился Козлов мнением со своей женой Елизаветой Владимировной, его спутницей по некоторым экспедициям, зоологом и ботаником.

– Только не торопись! – предупредила она его. Этот Хара-Хото, как в сказке, ускользал от многих, в том числе и от Пржевальского.

– Да, пожалуй, ты права. Тут надо действовать осмотрительно, иначе спугнёшь мечту, к которой давно стремился! – согласился с нею Козлов.

На том и порешили. Он отправил обстоятельное письмо Бадмажапову, в котором предупредил того, что до приезда экспедиции не надо даже намёками распространяться о её цели. Сам же Козлов не поставил в известность даже Русское

географическое общество. Там было только известно, что Козлов собирается вскоре посетить китайскую провинцию Сычуань с целями, в основном разведывательными. В первую очередь Козлов намечал произвести съёмки хребта Наньшань по пути в Тибет. Эту задачу не дали решить в своё время Пржевальскому англичане: они всячески противились проникновению русских в Тибет.

Вот и теперь после дипломатических переговоров с Далай-ламой 13-ым удалось, наконец, получить разрешение посетить Тибет, да и то с целями сугубо зоогеографическими... А по пути Козлов планировал завернуть к городищу Хара-Хото.

И это ему удалось!.. Полтора столетия историки (и не только наши, но и дальние зарубежные) сокрушаются о том, что Козлов планировал всё это втайне и не взял с собою в экспедицию профессиональных историков и археологов... Что было, то было! Но ведь полковник русской армии не обязан кого-то ставить в известность о целях своей экспедиции, тем более – сонмище зарубежных специалистов... Да, Козлов и не рассчитывал сначала найти в заброшенном городище что-то особенное, разве что – пару серебряных безделушек...

Но ему действительно, как говорят, повезло. Известно: «везёт тому, кто сам везёт!» ...По существованию полковник русской армии Пётр Кузьмич Козлов открыл древнюю тангутскую цивилизацию, о которой знали лишь то, что она существовала...

С современными родственниками тангутов Козлов впервые познакомился ещё в 1884 году, в отряде Пржевальского... Ранним утром они беседовали с местным князьком тангутов, пили чай с солёным сливочным маслом. Тангуты исподволь поглядывали на добротное снаряжение отряда и новенькие карабины в руках казаков. А ночью они попытались завладеть этим добром. Но Пржевальского не проведёшь! Он заметил интерес “приветливых хозяев” к снаряжению отряда и перед сном удвоил караул... Остальное известно из письма его к барону Бильдерингу.

На этот раз давняя история повторилась. Только отряд Козлова был чуть меньше: пятеро казаков, охраняющие отряд, да он с женой. Три погонщика верблюдов были не в счёт. Они всегда прятались в случае опасности за верблюжью поклажу.

Тангуты на этот раз решили бесшумно убрать часового. Но в его роли сидело наспех сработанное чучело, которому через каждые 15-20 минут незаметно вставляли в дырку, где должен был находиться рот, дымящую трубку с сухой травой.

Под утро десятки стрел впились в «часового» и тут же раздались ответные выстрелы. Отважная семёрка вместе с женой полковника отразили набег. С первыми лучами рассвета Елизавета Владимировна пошла в ложбинку к верблюдам. Около них, за тюками, сидело трое погонщиков. Одного из них, самого рослого, она громко спросила:

– Тебе не стыдно? Здоровый, сильный, а прячешься за спиной бабы!

– Мне, дочка (с ударением на «а»), нельзя умирать, – стал оправдываться тот, – у меня четыре жены. Если убьют, кто их кормить будет?

– А по твоей вере тебе больше трёх жён не положено!

– У него в доме их может быть и пять, и шесть. Остальные – сёстры жён и все на него работают. – Пояснил подошедший к ним Цокто Бадмажапов.

– А ну-ка, покажи свою винтовку! – потребовала Елизавета Владимировна.

Тот нехотя достал из-за тюка оружие. Передёрнув затвор и вынув его, она заглянула в ствол:

– Да у тебя здесь тараканы ночевали! Почему не чистишь оружие?

– А зачем? Оно не заговоренное, как у вас...

К ним подошёл и Козлов, заглянул в дуло винтовки: «Почистишь, смажешь – и она тебе её заговорит. У нас это женщины делают».

– И стрелять будет, как у Дордже-Уруса? – оживившись, спросил погонщик.

– Дордже-Урус был стрелок от Бога! – Строго сказал Козлов. – Но его карабин по-прежнему с нами. – Он похлопал по ложу своего карабина. – И ты видел, как он разит разбойников.

Погонщик без понуканий стал приводить свою винтовку в порядок.

Подобных случаев было много в походной жизни полковника Козлова. Он всегда помнил слова Пржевальского о том, что к этому люду бесполезно идти с христианскими проповедями: он прошёл в войнах у Чингисхана крепкую закалку, переучивать и переделывать таких бесполезно. А лень и ложь в экстремальных условиях должны быть наказуемы.

– Только личное общение, без переводчиков, и в отдельных случаях нагайка!

– Уверенно говорил Пржевальский, – вот наше оружие, а не псалмы миссионеров... Я знаю, в моём словаре мало мягких знаков, но зато в отряде все живы и здоровы...

Как бы то ни было, но факт бесспорный и единственный в своём роде: в его экспедициях всегда были железная дисциплина и порядок. За одиннадцать скитальческих лет Пржевальский не потерял

Пётр Кузьмич Козлов

в своих экспедициях ни одного человека. А вот сам, к сожалению, не уберёгся.

...Три с лишним недели шла экспедиция Петра Козлова по Алашаньской пустыне. Иногда язык буквально прилипал к нёбу из-за нехватки воды. Приходилось часами отлёживаться на горячем песке, ожидая прихода спасительного вечера. Днём было жарко, а ночью холодно – настолько холодно, что в чайнике замерзала вода. Днём солнце накаляло пески до 70 градусов, ноги жгло через подошвы сапог. За два-три дня портянки и носки превращались в вязкую потную кашу, которая разъедала кожу.

Автору этих строк знакомо подобное состояние. Он служил несколько лет в Средней Азии по другую сторону от этих мест. В походе, когда стараешься беречь свои силы, иногда невозможно лишний раз переобуться. Потом приходится догонять ушедших вперёд. А это, уважаемый читатель, очень трудно даётся: буквально – через не могу...

В такой обстановке и сам Пётр Козлов вспоминал каждый раз своего учителя: никогда не унывающий Пржевальский часто цитировал слова своего любимого персонажа из «Гамлета»: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам!»

В августе 1908 года караван достиг озера Кукунор. На привале Козлов сидел, задумавшись. Именно здесь почти три десятка лет назад стоял лагерь Пржевальского. Точно так же, как и тогда, шумели и плескались воды озера. А в северо-восточном углу Тибетского нагорья нахо-

дился легендарный Хара-Хото. В ту пору проводник обманул Пржевальского и увёл караван в сторону от городища.

Козлов был знаком с монгольской легендой о том, что в давние-давние времена, когда на территории пустыни Гоби плескалось море, первые потомки богов построили на его берегу прекрасный город. Здесь проживали умелые ремесленники, оружейники и храбрые воины, закованные в железо с головы до ног. И назывался этот город Хара-Хото... На этом легенда почему-то прерывалась.

А о гибели древнего города рассказывалось в другой легенде и это предание было ближе к настоящей правде, потому что само название Хара-Хото переводится как «Мёртвый город». Последний правитель города (а, может быть, и страны) батыр Хара-цзянь-цзюнь (отметим, что в его имени уже присутствуют китайские корни), объявил войну китайскому императору, пожелав занять его престол (значит, были на то и силы, и возможности!). Но после ряда проигранных сражений последнему батыру из тангутов пришлось отступить к стенам своей столицы. Китайские войска предприняли ряд безуспешных приступов. Но им не удалось овладеть городом. И тогда было приказано отвести часть русла реки Энцин-гол. Защитники города были обречены на смерть.

Далее легенда гласит, что батыр спрятал свои сокровища, умертвил семью и вышел на последний бой с противником. Китайские войска ворвались в столицу тангутов, убили всех жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Город был полностью разрушен... В легенде говорится ещё и о том, что китайские солдаты долго искали спрятанные сокровища батыра. Но когда они раскопали одну из предполагаемых пещер, там оказались две огромные змеи, от вида которых все убежали прочь, покинув мёртвый город...

Каким образом отличить в этих легендах правду от вымысла? Любая легенда (не сказка!) в большей или меньшей степени лишь преувеличивает то, что было, имело место быть.

Давайте порассуждаем вместе с читателем, не пересматривая настоящую историю, хотя, если честно признаться, в отдельных случаях (и не только в этом!) так и подмывает это сделать.

Итак, государство тангутов на заре новой эры называлось Си-Ся. По-китайски Си – Запад. Значит и государство имело наименование как Западное Ся... Но, выходит, что было, значит, и Восточное Ся? А о нём ни в легендах, ни в китайских рукописях нет ни слова. Впрочем, что до китайских летописей, то много ли нам о них ведомо? А если вспомнить Роборовско-

го, спутника Пржевальского, то он нашёл одну рукопись на старо-португальском языке, где было сказано, что между Индией и Китаем находилось какое-то государство, которому в документе не было наименования. Не Восточное ли это Ся? Очень не хотелось бы, чтобы это оказалось просто измышлением...

Известный в научном мире синтоист и китаист 19 века отец Иакинф (в миру Николай Бичурин), возглавивший 1807 году Православную миссию в Пекине и изучивший к тому времени, помимо китайского и японского, шесть восточных языков, писал:

«В Китае вижу много русских, большая часть из них в той или иной степени уже подверглась ассимиляции... Та же участь постигла и выходцев из Индии и Монголии...»

Этот необычайно просвещённый сын чувашского народа опубликовал только в Пекине 14 книг на русском, китайском, маньчжурском, французском, испанском и португальском языках. В том числе ему принадлежит около ста брошюр с просветительскими и научными статьями о Китае и Маньчжурии и их древней культуре. В одной из них, ссылаясь на Конфуция, он говорит о неких длинлинах, светловолосых и высоких, учивших китайцев в глубокой древности земледелию... Можно предположить, что само название это пришло из русского языка: длинные, высокие. А в санскрите «лин» означает «вытянутый», что вполне можно перевести как «высокий».

Между прочим, Конфуцию в самом Китае за подобные сообщения и ссылки на артефакты доставалось неоднократно и тогда, и сейчас. Его обвиняли и не раз в переписывании истории с древних времён... Скажем лишь, что этому нас не удивишь! Мы и сами грешны на этой стезе – и тоже с седой старины...

А научные труды отца Иакинфа получили уже в то время высочайшую оценку зарубежных и отечественных историков. В 1828 году Российская академия наук избрала Никиту Бичурину своим членом-корреспондентом по разряду «Литература древностей Востока».

Но вернёмся к нашим рассуждениям в свете находок Петра Козлова в Хара-Хото. Здесь были обнаружены две тысячи книг на тангутском языке и, главное, словарь тангутского языка. Из рукописей следовало, что государство Си-Ся просуществовало триста с лишним лет. Но не родилось же оно из ничего сразу, в одночасье, будучи большим и могучим? На становление любого государства требуется немалое время и некая постепенность его развития.

По одной из рукописей следует, что в Хара-Хото сидел в железной клетке за какие-то провинности в юности сам Чингисхан. Может быть, он имел родственные корни среди тангутов?

Позже он разрушил столицу тангутов. Китайские правители лишь довершили то, чего не сделал Чингисхан. Между прочим, в его походах и завоеваниях служило пять тангутских полков, которые представляли грозную силу, одетую и обутую в железные доспехи, сработанные тангутскими кузнецами.

А найденные бумажные купюры, представлявшие тангутские деньги? Они родились здесь задолго до печатания денежных купюр в Европе, почти за 250 лет до этого!..

Всё это наводит на размышления, далёкие от современного толкования возникновения государства Си-Ся. Историки сводят сейчас почти всё, касающееся тангутов, к постепенной ассимиляции этого народа китайцами и монголами... Но ведь и сама по себе ассимиляция – процесс в историческом и временном смысле долгий.

Ладно, вернёмся в Хара-Хото, к этой загадочной цивилизации. Согласно одной из гипотез (часть текстов осталась нерасшифрованной до сегодняшнего дня), это письмо, принадлежащие древним тангутским жрецам. В них зашифрованы магические тексты, не раскрывающие простым смертным свои секреты. По другой версии учёных, эти письма – единственные дошедшие до нас материальные свидетельства, подтверждающие именно загадочное существование неизвестной цивилизации.

К этой версии склоняется и Николай Рерих, создатель института Урусвати в Индии, русский теософ, исследователь азиатских народов: «Судя по артефактам из мёртвого города, такое могла создать только цивилизация, намного опередившая своих современников»...

Но, к сожалению, теперь о её существовании напоминают только молчаливые руины, засыпанные песком и окутанные множеством легенд. Прибавим к этому наше теперешнее знание о том, что книги в государстве тангутов печатались наборным шрифтом за 250 лет до Гуттенберга... Всё это было установлено при получении документов, найденных русским полковником Козловым в пустынных песках Хара-Хото на заре XX века.

Для исторической справки. После того, как монголы завоевали государство Си-Ся и весь Китай, в Пекине до второй половины XIV века правили императоры монгольской династии Юань. Потом восставшие китайцы выгнали из своей столицы

монгольского императора Тогон-Тэмур и провозгласили собственную династию Мин. Но монгольская империя ещё долго простиралась от Хуанхэ до Байкала и от Алтая до Сахалина.

...По дороге из Хара-Хото домой Пётр Козлов и его перегруженный ископаемыми находками караван подвергся снова нападению потомков тангутов. «Огонь восьми русских винтовок описывал непрерывную огненную змейку, ярко сверкавшую в темноте ночи», – писал позже Козлов в своём дневнике, – противник бежал. Бог судил иначе... и как мне не верить в мою путеводную счастливую звёздочку!»

По обыкновению, буддисты хорошо относятся к путешественникам, которые всегда одаривают их. И всё же Козлову не раз приходилось сражаться на дорогах Тибета с шайками разбойников. Об этом говорят и следующие строки его дневника:

Казалось бы, здесь, в стране монастырей и лам, которым религией запрещается даже убивать паразитов на собственном теле... можно было бы рассчитывать европейцу на лучшие мирные поездки по стране и знакомство с нею. На деле же выходит обратное. Нигде мы не берегли себя так, как здесь...”

Коллекция, вывезенная Козловым из монгольской пустыни, оказалась огромной. Одних только книг и рукописей оказалось более двух тысяч! Сухой климат песков помог сохранить эти бесценные сокровища, над изучением которых до сих пор мудрствуют знатоки древностей, монголоведы, археологи и нумизматы... И до сих пор в западном мире вздыхают о том, что вот, мол, военный, даже без исторического образования полковник отважился на такие раскопки. И это вместо того, чтобы пригласить в свою экспедицию настоящих специалистов своего дела – археологов, лингвистов и нумизматов...

На взгляд автора этих строк, хотелось бы убедиться наяву, как эти знающие своё дело специалисты стали отстреливаться от толпы разбойников на пустынной караванной дороге! Всё это, спасённое и охраняемое Козловым имущество загадочного народа, сейчас доступно учёным всего мира...

Позже, при советской власти, почётный член Российской академии наук и Русского географического общества, генерал-майор Пётр Кузьмич Козлов командирован правительством во главе экспедиции в Центральную Азию. По-прежнему полна сил и энергии, с ним едет и его жена Елизавета Владимировна, учёный орнитолог и зоолог. Во время этого путешествия, совершённого в 1923-26 годах, Козлов открыл в Северной Монголии 200

могильников, оказавшимися гуннскими погребениями... Это стало большим археологическим открытием в научной среде века минувшего! В них были обнаружены многочисленные предметы древней культуры гуннов, в том числе большое количество ковров греко-бактрийского царства III-II веков до н. э. По обилию образцов того времени эта коллекция не имеет себе равных в археологическом мире.

Почти семидесятилетнему Козлову удалось ещё раз удивить научный мир. В горах Восточного Хангая его экспедиция нашла усыпальницу тридцати поколений потомков Чингисхана... Пётр Кузьмич Козлов стал одним из первых европейцев, принявших владыку Тибета – Далай-ламой Агван-Лобсан-Тубданы Джамцо XIII-ым. Владыка выдал Козлову пропуск в горы Тибета и его монастыри, а главное – в столицу буддизма Лхасу. Пропуск представлял собой половинку шёлковой карточки с зубчиками на обресе. Вторая половина отныне должна была находиться у горной стражи, на подступах к столице.

Но англичане сделали всё возможное и невозможное для того, чтобы Козлов не сумел попасть в сердце Тибета. Они взбунтовали местных приверженцев жёлтой веры – докшитов, которые стали грозить экспедиции, что ночью вырежут всех до одного. Были нападения на отряд Козлова и среди бела дня. Советское правительство рекомендовало Козлову покинуть эти небесные горы, в которых прошла половина его долгой жизни учёного и путешественника.

Перу Козлова принадлежит свыше 60 произведений научного характера об исследовании Средней и Центральной Азии. Русское Географическое общество наградило, по его словам, «самым ценным призом – медалью имени Н. М. Пржевальского»... Среди исследователей Центральной Азии П. К. Козлову научная мировая общественность отдаёт по праву «одно из самых почётных мест» (Академик В. А. Обручев). «Каждый из них, питомцев и последователей Пржевальского, являлся опознавательным знаком минувшего века», – сказал академик.

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Но вспомним любимое Пржевальским из «Гамлета»: «Есть многое на свете друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам»... И вот – кое-кому «приснилось же!» Некие «мудрецы» накануне 100-летия Н. М. Пржевальского вдруг «проявили» неожиданно свою шляхетскую память: предки Пржевальского – выходцы

из Польского королевства. Гонора нашим соседям, как известно, не занимать – и пошло-поехало! В одной из жёлтых польских газетёнок появилась в 1939 году надуманная история о том, что отцом Сталина является Пржевальский. Появились и сравнительные фотографии этих двух лиц. Откуда ни возьмись, вынырнули и «свидетельские показания» о том, что в начале 1878 года, придя в дом своего родственника князя Маминошвили, Екатерина (Кеке) Джугашвили познакомилась с гостившим у князя русским офицером. Князь представил ей военного, как своего доброго знакомого, известного учёного и путешественника.

Сделаем короткое отступление: ну, как же, пришла в дом князя, её впустили дальше кухни, а потом ещё и «представили» высокому гостю! Пришлось, конечно, бедной Кеке и книксен делать, и ручку для поцелуя протягивать... Святая простота, эти выдумщики! Тем не менее, через девять месяцев в Гори, якобы, потекли денежные переводы от Пржевальского для маленького Сосо (Иосифа). Масло в огонь подлила и польская газета «Жиче Варшавы», опубликовавшая как раз к юбилею великого путешественника статью о том, что Пржевальский действительно является отцом Сталина. Логика в этой статейке – ни на грош! Но на Западе с удовольствием подхватили смачную байку о том, что 39-летний полковник генерального штаба России, выполнявший секретные задания, вдруг решился ни с того, ни с сего по пути из Китая со всеми своими секретными документами (да и по пути ли?) застрять в каком-то захлапленном Гори... Чушь!

Говорят, когда Ворошилов отважился спросить об этом у Сталина, тот, подняв по привычке правую бровь, усмехнулся в усы:

– Ты что, поляков не знаешь? Мало они вас с Будённым колотили!.. Жаль, товарищ Шекспир отдыхает, вот отдельным шекспирчиком и неймётся!.. Я – сын трудового народа, сын кухарки и сапожника. И этим всё сказано, читай нашу «Правду»...

Между прочим, много позже, дело всё-таки дошло до анализов ДНК. Исследование показало, что у внука И. В. Сталина, кинорежиссёра Бурдонского, гаплогруппа крови характерна для осетин и армян. А у Н. М. Пржевальского – европейская... Ну, а внешне они действительно похожи, особенно усами и бровями. У каждого человека найдётся в мире его двойник. Но их в одну телегу не впрягают.